

Му Уя включил свет, ослабил узел галстука и, сняв пиджак, небрежно бросил его на спинку стула. За стулом открывалось огромное панорамное окно: ночные огни небоскребов переливались причудливыми, почти сюрреалистичными красками, что до боли напоминало нынешнее состояние Шэнь Аня.

Му Уя обернулся и, заметив, что Шэнь Ань так и застыл на пороге, с улыбкой произнес:

— Брат, заходи.

Эти слова подействовали словно заклинание: ноги Шэнь Аня сами собой двинулись вперед, внося его в комнату.

Му Уя достал из мини-бара бутылку красного вина и два изящных бокала, наполнил их и протянул один Шэнь Аню. Тот принял его с отсутствующим видом, и тут же услышал:

— Не хочешь что-нибудь сказать?

Что сказать? Шэнь Ань лихорадочно размышлял. Да и что тут скажешь? Спросить, где он пропадал эти три года? Рассказать, как он отправлял сотни сообщений на давно отключенный номер, зная, что ответа не будет? Почему он внезапно исчез и почему так же внезапно объявился? Что с ним происходило все это время? Откуда у него вдруг появились такие деньги? И почему он решил содержать именно его?

А еще... как ты жил? Я ведь так сильно по тебе скучал.

— Ты... — Шэнь Ань опустил голову и долго молчал, прежде чем выдавить из себя слова. Голос его звучал сухо и надтреснуто, словно ледяной зимний ветер. — Ты, кажется, немного изменился.

Му Уя откинулся на спинку кресла и усмехнулся:

— Все-таки три года прошло.

Шэнь Ань облизнул пересохшие губы:

— Да, три года...

Му Уя поднялся, улыбка исчезла с его лица, и он серьезно спросил:

— Болезнь дяди снова обострилась?

Шэнь Ань, не ожидавший такого вопроса, лишь кивнул. Му Уя тяжело вздохнул:

— Брат, ты ведь обещал мне, что больше не будешь подрабатывать в барах, еще три года назад обещал.

Шэнь Ань весь обмяк, чувствуя, как леденеют конечности, а Му Уя продолжал:

— Брат, прошло три года, а ты, кажется, совсем не изменился.

Эта фраза, смешавшись с воспоминанием о словах трехлетней давности — Брат, меня от тебя тошнит, — превратилась в зловещий, издевательский хохот, который жестоко терзал его барабанные перепонки и сердце.

Видя, что Шэнь Ань снова умолк, Му Уя с досадой произнес:

— Брат, ты опять молчишь. Неужели так трудно просто поговорить со мной?

Шэнь Ань стиснул зубы:

— Му Уя, я правда... у меня просто не было другого выхода. Отцу на этой неделе нужна операция, я...

Му Уя внезапно рассмеялся, перебивая его. Шэнь Ань осекся — все его оправдания казались жалкими и бесполезными.

Му Уя отпил вина и, ставя бокал на стол, добавил:

— Я знаю, брат. Ху Цзинь сказал мне, что ты не хочешь быть на содержании.

Шэнь Ань выдохнул и поднял взгляд, встречаясь с глазами Му Уя:

— Это ты хотел меня содержать?

Му Уя кивнул:

— Я.

— Если это ты, — тихо сказал Шэнь Ань, — то я согласен.

Глаза Му Уя слегка расширились, а затем он усмехнулся:

— Брат, ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, — ответил Шэнь Ань.

Он откинул волосы назад и подошел к Му Уя. Протянув руки, он двусмысленно обвил его шею. Шэнь Ань был на несколько сантиметров ниже, поэтому ему приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть собеседнику в глаза. В черных, как смоль, зрачках Му Уя отражался свет ламп — это был тот взгляд, о котором он грезил три долгих, мучительных года.

— А ты, — прошептал Шэнь Ань, — сам-то понимаешь, что значит содержать кого-то?

Му Уя смотрел на него безразлично:

— Брат, я не планировал...

— А я хочу, — перебил его Шэнь Ань.

— Брат, — покачал головой Му Уя, — ты так хорошо играешь, что я почти готов поверить.

Шэнь Ань почувствовал тупую боль в груди. Не успела она разлиться по всему телу, как мир вокруг него перевернулся: Му Уя повалил его на мягкое белое одеяло. Его ладони плотно прижали запястья Шэнь Аня, и этот жар, исходящий от их соприкосновения, едва не обжигал.

Три года назад их тела никогда не были так близки, но тогда их сердца были единым целым, как у бездомных котят, греющих друг друга холодной зимой. Теперь же, когда их тела сплелись в тесном контакте, Шэнь Ань чувствовал лишь невыносимый холод.

Горячее дыхание Му Уя коснулось его уха:

— Брат, я даю тебе шанс оттолкнуть меня.

Шэнь Ань протянул руки и крепко обнял его.

А потом наступила ночь.

Больно. Невыносимо, раздирающе больно.

Тошнотворно. До рвоты противно.

Медленно. Слишком медленно течет время.

Он ранен. Неизвестно, насколько сильно, но в больницу нельзя.

Как же так?

Как все дошло до этого?

<http://bllate.org/book/18638/1794851>